

ТАМ,
где плещет
МОРЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АНАСТАСИЯ УГА

Анастасия Угля
Там где плачет море

«Автор»

2026

Угля А.

Там где плачет море / А. Угля — «Автор», 2026

Восемнадцать лет — не праздник, а приговор. Лейла с детства знала: она лишь пешка в игре деда, живое напоминание о позоре матери. Её судьбу решили за завтраком — отдать зверю по имени Инан Джеллат. Тот самый, от кого бежала её мать. Тот самый, чьё имя шепчут с ужасом. Но в день её помолвки в дом врывается другой хищник. Эмре — молодой магнат, который держит в руках бизнес семьи Чиллер. Он пришёл не за деньгами. Он пришёл мстить. И его условие просто: Лейла станет его женой. Она — заложница долга, готовая сломать себя ради семьи. Он — человек, чьё сердце превратилось в лёд после смерти сестры. Их брак — не союз, а война. Но что произойдёт, когда в этой войне родится нечто большее, чем ненависть? «Я выдержу всё. Клянусь. Даже если этот брак станет моей могилой».

© Угля А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золоченная клетка.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анастасия Угля

Там где плачет море

Глава 1. Золоченная клетка.

Лейла

— Сестрёнка?

Я вздрогнула всем телом — голос прозвучал неожиданно, разрезав тишину, как лезвие. Тёплые ладони легли на мои плечи, но даже это привычное тепло не смогло растопить ледяной панцирь внутри. Исмаил. Вечно он ходит как мышка, бесшумно, невесомо, у него дар появляться из ниоткуда.

Я не обернулась. Зачем? Он и так чувствовал всё без слов. Знал, что если я сижу на террасе, закутавшись в плед до самого подбородка, и смотрю на море — значит, внутри меня штормит, даже если вода у горизонта предательски спокойна. Я молчала, потому что слова застревали где-то глубоко, превращаясь в горький комок. Да и что тут скажешь? Он и так всё понял по моему напряжённому затылку.

— Грустишь, старшенькая? — его голос прозвучал мягко, с осторожной надеждой растормошить меня, вытащить наружу хоть какую-то эмоцию.

Но нет. Только не сегодня. Сегодня внутри меня — пустота, и я не хотела, чтобы он видел эту бездонную пропасть в моих глазах. Я слишком хорошо научилась прятать боль за вежливым равнодушием.

— Я не грущу, родной, — солгала я, не отрывая завороченного взгляда от свинцовой глади моря. — Просто море Оно будто гипнотизирует. Смотрю, и не могу оторваться.

Пусть думает, что дело в красоте волн. Пусть. Так легче.

— Ну тогда, — его голос дрогнул, пытаюсь прорвать эту мрачную тишину праздником, — с днём рождения, самая лучшая в мире сестра!

На мои колени опустилась коробка. Тяжелая. Красивая. Я почувствовала, как от одного его поступка сердце сжалось в болезненном спазме. Любовь и обреченность сплелись в тугий узел.

— Спасибо, родной Спасибо тебе, — я резко, будто испугавшись, повернула голову.

Наши взгляды встретились. Я попыталась улыбнуться, растянуть губы как можно искренней, но эта улыбка вышла ломкой и почти испуганной. Я подалась вперед и быстро, как птица, клюнула его в тёплую щеку, чтобы он не успел разглядеть слёз, предательски подступающих к горлу.

— Сегодня тебе восемнадцать, ты стала совсем взрослой, — прошептал он, опускаясь рядом. Его плечо прижалось к моему, даря мнимое чувство защиты.

И тут меня прорвало. Та самая фраза, что жгла изнутри, вырвалась наружу, злая и отчаянная:

— Сегодня будет озвучен мой приговор

Я повернулась к нему, встречая его реакцию. Воздух между нами заискрился от ярости. Исмаил замер на секунду, а затем на его лице начали ходить желваки — тугие, каменные. Гнев вспыхнул в его глазах, испепеляя остатки праздника. Он разозлился. Не на меня — на судьбу, на безысходность.

Мы оба замолчали, оглушенные правдой.

Потому что в самый «счастливей» день я думаю о приговоре. Потому что я, он, мама — мы не просто семья Чиллер. Мы лишь отголоски, бледные тени позора двадцатилетней

давности, который до сих пор дышит нам в спины. И этот груз крови и памяти тяжелее любого подарка, который может подарить брат.

Мы оба, как по команде, отвернулись к морю. Чёрная гладь Карадениза дышала равнодушно и тягуче, а мы сидели плечом к плечу, но каждый — в своём аду. Тишина между нами звенела от невысказанных мыслей, от страха, который мы даже не смели произнести вслух. Каждый думал о своём, но, Аллах, как же горько это «своё» было общим.

Из глубины дома, словно удар хлыста, донёлся звонкий голос с кухни. Я вздрогнула так, будто меня застали за чем-то запретным. Сердце забилось где-то в горле, панически отсчитывая секунды.

Пять минут. Аллах, дай мне ещё хотя бы пять минут.

Мне необходимо это мгновение тишины, чтобы собрать себя по кускам. Всего пять минут, чтобы запрятать дрожь в пальцах, чтобы нацепить на лицо маску смирения и шагнуть в этот день — в день, который пахнет не тортом и свечами, а гарью чужого позора. Я почти заставила себя подняться, натягивая нервы, как струны, почти улыбнулась собственному мужеству...

И вдруг услышала мамин голос.

Я обернулась резко, с застывшей надеждой в глазах. Мама стояла в проёме террасы, такая хрупкая, словно фарфоровая статуэтка, которую разбили, а потом неумело склеили. В её глазах плескалось море боли, куда более глубокое, чем то, что шумело за нашими спинами.

— Доброе утро, дети, — её голос дрогнул, пытаясь быть ласковым, но сорвался в хрип. — С днём рождения тебя, моя девочка.

Она посмотрела на меня, и в этом взгляде было столько нежности, что у меня перехватило дыхание. А потом мама отвела глаза — трусливо, виновато, будто не имела права смотреть на собственного ребёнка. Её губы задрожали, и она выдохнула шёпотом, от которого у меня кровь застыла в жилах:

— Прости меня, моя принцесса... Если бы не я, если бы не моя ошибка, у тебя сейчас, возможно, была бы другая судьба...

Эти слова — как пощёчина. Как нож в солнечное сплетение.

Коробка с подарком брата с глухим стуком упала на плед. Я подорвалась так, будто под ногами разверзлась пропасть, и буквально влетела в маму, сгребая её в охапку так крепко, что кости затрещали. Я прижалась к ней всем телом, пытаюсь закрыть собой от всех её призраков.

— Мамочка, родная! — слова вырывались из меня горячей лавиной, сбивчиво, страстно, вперемешку со слезами. — Не смей! Ты не виновата, слышишь?! Никогда, ни-ко-гда не вини себя!

Я отстранилась на секунду, заглядывая в её заплаканные глаза, и заговорила твёрдо, почти яростно, давая клятву, которую нарушить не имела права:

— Я вынесу всё, слышишь? Кому бы меня ни отдал дед, какой бы кошмар он ни придумал — я справлюсь. Клянусь тебе, всё будет хорошо! Я сильная... Я твоя дочь, мама. В твоих жилах течёт сталь, и в моих тоже. Я выдержу, обещаю. Только не грусти, умоляю тебя... Не рви мне сердце, пожалуйста, живи...

Я гладила её вздрагивающую спину и чувствовала, как внутри, на пепелище страха, рождается дикая, отчаянная решимость. Пусть этот день станет приговором — я не позволю ему сломать нас. Я выстою. Обязана.

Я снова не услышала. Снова. Исо умеет быть невидимым, бесшумным, как тёплый ветер, но когда его руки обвили нас с мамой, я почувствовала эту стальную, почти мужскую хватку. Мой шестнадцатилетний защитник. Мой маленький брат, который вырос слишком рано, потому что детство у нас украли. Он прижался к нам с двух сторон, зарываясь лицом куда-то в наши плечи, и что-то шептал — горячо, прерывисто, отчаянно. Его слова тонули в шуме крови, пульсирующей в висках, но их смысл я поняла без слов. Он обещал. Он клялся. Он хоронил свой страх, чтобы стать нашей опорой.

Я зажмурилась на секунду, впитывая это горькое, обжигающее тепло семейных объятий — единственное, что было настоящим в этом холодном доме. А потом из кухни снова донеслись резкие, требовательные голоса. Реальность грубо вторглась в наш хрупкий кокон, разрезая его на лоскуты.

Я отстранилась первая. Всегда первая. Потому что долг зовёт, а наказание за слабость здесь страшнее ножа.

— Пора идти, — выдохнула я, переводя взгляд с заплаканных маминых глаз на напряжённое лицо Исо. Мой голос прозвучал глухо, будто из-под земли. Ни слёз, ни дрожи. Маска на месте.

Мама тоже разомкнула объятия, словно нехотя, будто отпускала нас в клетку ко львам. Она выпрямила спину и заговорила деловито, пряча боль за рутинной:

— Да, ты беги, переодевайся. Затем спустись на кухню, посмотри, чем можно помочь Сезен.

Она перевела взгляд на Исо, и в её глазах на миг мелькнула та самая материнская строгость, за которую мы цеплялись как за спасательный круг:

— А ты, молодой человек, бегом надевать школьную форму! Встретимся в столовой.

Я сорвалась с места и побежала в свою комнату. Быстро, чётко, не оглядываясь — потому что сегодня мне совершенно, смертельно не хотелось злить деда. Я знала правила этой игры: не дать повода, не дышать громко, не существовать, пока не спросят.

Хотя, кого я обманываю? Арслан Ага и так вечно зол. Его раздражение висело в воздухе этого дома густым, удушливым смогом. Я сбилась со счёта, сколько лет слышу одно и то же, брошенное сквозь зубы, как кость собаке:

— *Лейла, у тебя руки не из того места растут!*

— *Лейла, твой учитель сказал, что ты позорно написала эту работу!*

— *Лейла, твоё место на кухне, не строй из себя хозяйку!*

И дальше, дальше, бесконечный поток иголок под кожу. За те годы, что я здесь, это место так и не стало мне домом. Огромные стены давили, а не защищали. Люди, что спали под этой крышей, дышали со мной одним воздухом, так и не стали родными. Они остались чужими. Нет. Хуже — они стали моими надзирателями.

А всё почему? Потому что моя мамочка Саян посмела сбежать. Посмела полюбить, посмела послушаться, сбежала со своей помолвки к моему погибшему отцу Кахраману. Только вот отец оказался далеко не героем — пустышка, мираж, разбитая мечта. И когда его не стало, мама, ища спасения, приползла обратно в дом моего деда, раздавленная и униженная.

Арслан Ага и Чичек Ханым «приняли» нас. Двери открылись. Но сердца — нет, никогда.

Для меня и Исмаила они так и не захотели стать заботливыми бабушкой и дедушкой. Ни одной тёплой сказки на ночь, ни одного ласкового прикосновения. Для моей мамы они так и не смогли вернуться в образ любящих родителей. Всё, что читалось в их глазах, когда они смотрели на нас — это ледяное презрение пополам с брезгливостью. Мы были для них живым напоминанием о позоре. Отголосками. Пятнами, которые невозможно отстирать. Мы были приговором, а сегодня этот приговор зачитают мне. Вслух. На восемнадцатилетие.

Я почти влетела в спасительную тишину, дверная ручка уже холодила разгорячённую ладонь. Рывок. Шаг. И в этот момент прямо над ухом, как змеиное шипение, раздался голос, от которого кровь свернулась бы у кого угодно. Но я не вздрогнула. Привыкла. Мои нервы — туго натянутые канаты, их не так просто порвать.

— Ой, Лейлушка, моя дорогая...

Дамла. Сладкий яд в каждом слоге. Её рука хищно легла мне на плечо, и тонкие пальцы сжались с такой силой, что я едва сдержалась, чтобы не зашипеть от боли. Синяки будут. Как всегда.

— У тебя сегодня такой радостный день! — проворковала она, и я спиной почувствовала её мерзкую, торжествующую улыбку. — Дедушка наконец-то скажет, кому он отдаст тебя в жёны. Волнуешься, милая?

Она подалась ближе, и её дыхание обожгло моё ухо.

— Хочешь, скажу кто он?

Пауза, наполненная садистским наслаждением. Я слышала, как она хмыкнула, смакуя момент.

— Инан Джеллат. Сын Коркюта Джеллата... — имя повисло в воздухе, как лезвие топора. — О да, ты наконец-то сможешь смыть позор своей матери! Своей шкурой заплатишь за её грешок. А ещё знай, Лейлушка... Инан — очень, очень жестокий человек. Зверь в человеческом обличье. — Её голос задрожал от восторга. — Так что... начинай считать дни до своей смерти.

Она расхохоталась. Громко, заливисто, запрокинув голову. Этот смех вонзался в меня острыми осколками, разрывая остатки утреннего спокойствия. Перед глазами на мгновение всё поплыло.

Инан Джеллат. Сын того самого Коркюта, от которого моя мама сбежала двадцать лет назад. Человек, чьё имя перешёптывают с ужасом даже слуги. Страшно ли мне стало? До дрожи в коленях. До ледяного пота на затылке. Каждая клеточка моего тела завопила в первобытном ужасе, но я затолкала этот крик глубоко-глубоко, в самый тёмный подвал души. Выбора нет. Если дед назовёт это имя, мне останется только одно: сломать себя окончательно, смять свою гордость в труху и покорно склонить голову. Я не имею права на бунт. Потому что каждый мой проступок Арслан Ага выместит на маме и Исмаиле. Я должна их защитить. Я щит. Я стена. Я кость, которую бросят псам, лишь бы они не тронули мою семью.

Поэтому я развернулась к Дамле, и на моём лице расцвела улыбка. Та самая, которую я оттачивала годами: вежливая, лёгкая, непроницаемая. Ни намёка на страх. Ни тени безысходности. Только лёд и сталь под шёлком.

— Дамла, милая, — пропела я почти ласково, заглядывая ей прямо в глаза. — А ты, наверное, не в курсе, что должна делать девушка, войдя в дом мужа, чтобы его не злить?

Я выдержала паузу, чувствуя, как она слегка опешила от моего тона.

— Быть покорной, дорогая. Всего-то. А я за эти годы, знаешь ли, в совершенстве овладела этим искусством.

Я медленно, нарочито брезгливо оглядела её с головы до ног, задержав взгляд на её перекошенном от злобы лице. Моя бровь выгнулась в насмешливом презрении.

— А вот тебя-то кто возьмёт замуж, Дамла? С таким стервозным характером и насквозь гнилой, пропахшей завистью душой?

Она открыла рот, задохнувшись от ярости, но я не дала ей сказать ни слова. Хлопнула дверью прямо перед её носом. Глухо. Отсекая её злобу. Отсекая её смех.

А потом наступила тишина.

Я прислонилась спиной к двери и медленно, обессиленно сползла вниз, опираясь рукой о косяк. Ноги не держали. Сердце колотилось так, будто хотело разорвать грудную клетку и сбежать из этой реальности. Мне нужна передышка. Снова. Хотя бы глоток тишины, хотя бы пара минут, чтобы собрать себя по кускам.

Мои кузины — это стая шакалов, которые вечно пытаются ковырнуть глубже, задеть словами так, чтобы остались шрамы. И Дамла сегодня почти преуспела. Почти.

Я прижала ладони к лицу, чувствуя, как горят щёки, и прошептала в пустоту комнаты:

— Мама... Исо... Я справлюсь. Клянусь, я справлюсь... Я выдержу всё.

Я сделала глубокий вдох — так глубоко, как только позволяли сжатые рёбра. Задержала воздух в лёгких, чувствуя, как он обжигает изнутри, а затем медленно, со свистом выдохнула. И в этот самый момент что-то внутри меня перешёлкнуло. Хрустнуло, как сломанная кость, и

срослось заново — крепче прежнего. Страх никуда не делся, он всё ещё шипел где-то на дне души, но теперь я посадила его на цепь. Я смогу свернуть горы. Я обязана.

Я встала на ноги. Твёрдо. Колени больше не дрожали.

К шкафу я подошла с решимостью солдата перед боем. Выбор пал на лёгкий светлый сарафан — невинный, почти детский, — а сверху набросила мягкий кардиган, словно доспехи из шерсти и надежды. Подошла к зеркалу, встретила взглядом с собственным отражением. Бледная. Глаза горят лихорадочным, сухим огнём. Нет, так не пойдёт. Я расчесала волосы, выдирая колтуны с какой-то злой методичностью, и собрала их в тугой высокий хвост — до боли, до натянутой кожи на висках. Затем лёгкими, почти невесомыми движениями нанесла пудру на щёки, маскируя лихорадочный румянец. Отражение больше не выглядело плавающим. Теперь на меня смотрела фарфоровая кукла с ледяным спокойствием во взгляде. Идеально.

Я направилась на кухню. Каждый шаг гулко отдавался в висках: *"Я сильная. Я справлюсь. Я их защищу"*.

На кухне кипела работа — жаркая, пряная, исходящая паром и ароматами специй. Султан Ханым священнодействовала у плиты, где на трёх конфорках разом шипел и булькал Менемен, распространяя запах томатов и яиц. Моя Сезен, ловкая и быстрая, как лесная белка, нарезала Тефтели-бёрек — ритмично, почти музыкально стуча ножом. Юная Назлы, тоненькая и большеглазая, раскладывала по тарелкам белоснежный сыр и маслянистые оливки. Моего прихода никто не заметил. Я на секунду замерла на пороге, впитывая этот уютный шум, словно воду в пустыне. Единственный островок тепла в этом ледяном доме.

И вдруг, не оборачиваясь, не сбиваясь с ритма, Сезен подала голос:

— Госпожа Лейла, доброе утро. Порежете, пожалуйста, овощи?

В её голосе искрилась улыбка. Я услышала её, даже не видя лица. И от этого тепла у меня чуть дрогнули губы.

— Доброе утро, моя Сезен! — отозвалась я, направляясь к раковине, где уже дожидались овощи. — Не знаю, как ты каждый раз это делаешь... Не оборачиваясь, понимаешь, что это я пришла. У тебя глаза на затылке?

— Госпожа, — пропела Сезен мелодично, как птичка, — вы входите почти каждое утро в одно и то же время. Вас можно сверять по часам, честное слово!

Я усмехнулась, включая воду. Прохладная вода заструилась по пальцам, смывая остатки страха. Я намыла овощи и взялась за нож, сосредоточенно нарезая их и раскладывая по тарелкам. Мерная работа успокаивала. Нож стучал по доске, в голове прояснялось.

Но идиллия длилась недолго. Воздух на кухне резко сгустился, и я спиной почувствовала чужое присутствие. Ядовитое. Липкое.

— О-о-о, маленькая позорница, и ты тут.

Тётя Серпиль вплыла на кухню, как хищная рыба в мутный пруд. Её улыбка была настолько широкой, что я на мгновение всерьёз испугалась — как её лицо не треснуло пополам от этого оскала?

— Что, мать твоя уже попрощалась с тобой, милая? — протянула она, смакуя каждое слово. — Поплакала в подушку? Или сразу смирилась, что её драгоценную доченьку скормят тому, от кого она сама двадцать лет назад сбежала?

Нож в моей руке замер на долю секунды. Всего на долю. Я сделала спокойный вдох и повернулась к ней, и на моём лице играла точно такая же сладкая улыбка, как у неё. Зеркальная. Ядовитая в своей вежливости.

— И вам доброе утро, тётушка Серпиль! — пропела я елеинным голосом, от которого даже мёд бы прокис от зависти. — Как ваше настроение? Полагаю, прекрасное? Вы сегодня так чудесно выглядите! Вам очень идёт этот оттенок... зависти в глазах.

Она не ответила. Ни слова. Только её ноздри гневно раздулись, а челюсть сжалась так, что я услышала скрип зубов. Она бесилась. О, как же её бесило моё спокойствие! Как она мечтала увидеть мои слёзы, мой страх, мои мольбы! Но я не дарила ей этого удовольствия.

Я вернулась к овощам с лёгкой улыбкой победителя.

Через десять минут всё было готово. Стол в столовой сервирован идеально — безупречно, как и всегда. Скатерть сияла белизной, приборы выстроились по линейке, блюда источали ароматы, достойные султанского пира. Мы расселись по местам. Все, кроме него. Все члены семьи ждали, затаив дыхание, не смея притронуться ни к одному блюду.

Тишина звенела. Где-то в коридоре раздался мерный, тяжёлый стук.

Арслан Ага вошёл, опираясь на трость. Каждый его шаг гулко отдавался в паркете, как удары барабана перед казнью. Мы встали. Все, как по команде. Единый организм, подчинённый его воле. Он двигался медленно, величественно, наслаждаясь властью, которой дышал каждый угол этого дома. Дошёл до своего места, окинул нас тяжёлым, немигающим взглядом и небрежно махнул рукой.

Мы сели. Синхронно. Бесшумно.

Никто не смел приступить к трапезе, пока он не возьмёт первый кусок. Он знал это. Мы знали это. Воздух дрожал от напряжения. Наконец его рука потянулась к хлебу. Он разломил лепёшку, и только тогда, словно по щелчку невидимого метронома, все взялись за приборы.

Я смотрела в свою тарелку, чувствуя, как его взгляд на секунду задержался на мне. Тяжёлый. Оценивающий. Слово он прикидывал цену, за которую сегодня меня продаст. И я знала — за завтраком он объявит имя. Моя судьба решится за этим столом, среди звона фарфора и аромата свежего хлеба.

Тридцать минут. Целая вечность.

Завтрак тянулся невыносимо долго, и в этой тишине было что-то неестественное, злое. Обычно за этим столом слова режут острее ножей: колкие фразы летят в нас, как отравленные дротики, а взгляды прожигают насквозь, клеймя позором. Но сегодня — тишина. Густая, вязкая, как патока, в которой можно утонуть. Никто не бросает в нашу сторону привычного яда. Никто не сверлит нас взглядом, полным ненависти. И от этой непривычной тишины мне становилось только страшнее. Как перед бурей. Как перед казнью.

Это дед так подготовил почву? — пронеслось в голове. Что ж, хитро. Даже мудро, если бы не одно «но». Все те годы, что длилось издевательство над нашими душами, не вычеркнуть одним утром фальшивого перемирия. Я не куплюсь. Моя спина помнит каждую рану, моё сердце — каждое брошенное в нас оскорбление. Эту пропасть не засыпать вежливым молчанием за завтраком.

Я сидела, опустив глаза, но из-под ресниц вела пристальное, цепкое наблюдение. Смотрела, как двигаются его руки, как он жуёт — медленно, с достоинством падишаха. И когда Арслан Ага отложил прибор, когда его ладонь накрыла салфетку, а сам он повернулся к бабушке и едва заметно кивнул — сердце внутри меня оборвалось и рухнуло куда-то в пятки.

Час настал.

Чичек Ханым поднялась со своего места. Её стул царапнул паркет с мерзким, режущим ухо скрипом. Она обернулась к помощницам, застывшим у стены, и её голос разрезал тишину как хлыст:

— Султан, вы можете ступить по своим делам.

Султан Ханым коротко кивнула и торопливо, почти бегом, покинула столовую. За ней, как испуганные мышки, поспешили Сезен и Назлы. Моя Сезен на мгновение задержала на мне взгляд, и в её глазах я прочитала безмолвное: *«Держись, госпожа»*. А потом двери закрылись, отрезая нас от кухни, от тепла, от любых свидетелей.

Мы остались одни. Семья. Клетка с хищниками и их жертвами.

Бабушка опустилась обратно на стул, сложив руки на коленях, как статуя. И тогда заговорил дед. Его голос — низкий, рокочущий, привыкший к беспрекословному подчинению, — заполнил комнату до краёв.

— Знаете, что такое семья?

Я внутренне напряглась. Сейчас начнётся представление.

— Это люди, которые в любой момент жизни готовы подставить друг другу плечо. Поддержат вас в самой сложной жизненной ситуации...

Я едва сдержала горькую усмешку, которая так и рвалась наружу. Боже, какие высокие слова! Как красиво они звучат — и как фальшиво, как пусто они звенят в этих стенах! Плечо? Поддержка? Где были эти плечи, когда моя мать, раздавленная горем, приползла к вам за помощью? Где была эта хваленая поддержка, когда вы годами втоптывали нас в грязь, смешивали с пылью, травили, как дворовых собак?! Не смей, старик. Не смей говорить о семье.

А он продолжал, не замечая моей безмолвной ярости:

— Мы сидим за одним столом, делим один кусок хлеба, но от этого мы семьёй не становимся. Мы сплываемся только тогда, когда над нашим домом сгущаются тучи.

Он сделал паузу, обводя нас тяжёлым взглядом. Я чувствовала, как напряглась мама рядом со мной, как замер Исо, сжав кулаки под столом.

— К сожалению, сейчас они как никогда сгустились. Не буду углубляться в подробности, скажу только: они немного развеялись после вчерашнего дня. Наш бизнес переживает трудные времена... Но нам повезло. Вчера я подписал очень и очень выгодный контракт. Сегодня к нам в дом из Стамбула приедет молодой бизнесмен, который спас нашу фирму от краха.

Сердце застучало где-то в горле. Я уже знала, что будет дальше. Знала — и всё равно оказалась не готова.

— И также сегодня у нас есть ещё два повода. День рождения моей внучки... — он произнёс это слово так, будто выплюнул кость, застрявшую в зубах. Столько фальши, столько приторного, наигранного яда было в его голосе. — Лейлы. Поздравляю, Лейла. Тебе сегодня восемнадцать.

Он посмотрел на меня. Впервые за весь завтрак — прямо. И в этом взгляде не было ни грамма тепла. Только холодный, циничный расчёт. Оценщик, глядящий на товар.

— И сегодня состоится твоя помолвка. Благодаря твоему браку мы наконец-то смоём позор двадцатилетней давности, который навлекла на нас твоя мать.

Мама за моей спиной беззвучно всхлипнула, и этот звук — тихий, задавленный — был страшнее любого крика. Исо напрягся так, что я услышала, как хрустнули его пальцы.

А дед, не сводя с меня глаз, произнёс, словно зачитал приговор:

— Твоим женихом станет Инан Джеллат.

Имя упало в тишину, как камень в колодезь. Глухо. Бесповоротно.

В моей груди что-то оборвалось. Не сердце — нет, оно всё ещё билось, хотя я уже не чувствовала его тепла. Оборвалась последняя, тонкая, как паутинка, ниточка надежды. Инан Джеллат. Сын того самого человека, от которого сбежала моя мать. Жестокий. Безжалостный. Монстр.

Я подняла глаза на деда, и мои губы растянулись в ледяной, безупречно спокойной улыбке.

— Благодарю, дедушка, — произнесла я звонко и чётко. Ни дрожи. Ни слезинки. — Это большая честь для меня — служить интересам семьи.

На мгновение в его глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение. Или удивление. Но мне было всё равно. Я уже начала считать дни до своей смерти — ровно так, как и предсказывала Дамла. И единственное, о чём я молилась про себя: *«Пусть он заберёт только меня. Только меня. Маму и Исо не трогайте... Пожалуйста, не трогайте».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.